

НЁМАН

4/2016

АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Федор КОНЕВ. Сломанная ветка. Повесть	3
Микола МЕТЛИЦКИЙ. Судьба ведет меня по жизни. Стихи.	
Перевод с белорусского И. Котлярова	29
Алесь БАДАК. Инструкция по соблазнению замужних женщин.	
Перевод с белорусского О. Ждана	32
Федор ГУРИНОВИЧ. Когда мудрей становится душа. Стихи.	
Перевод с белорусского автора	37
Виталий ЖУРАВСКИЙ. Похищенный орден. Рассказ	42
Елена КОШКИНА. Правильно хожу. Стихи	57
Анатолий ЗЭКОВ. Алесь. Миниатюры. Перевод с белорусского автора	59
Наталья СОВЕТНАЯ. Горит зима! Стихи	72
Виталий КИРПИЧЕНКО. Не за ордена и медали	74
Евсей ЛОПУХИН. Стихами полнится душа. Стихи	80
Андрей НИКИТИН. Устрашающий вид сверху. Рассказ	82
Над вишней весенней розовый дым... Борис ВОРОНИН, Марина ШАПОВАЛОВА, Михаил БУРАКОВ, Владимир ОЛЕШКО, Серафима БЕСТОВА. Стихи	86
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Вита АНДЕРСЕН. Начни сначала. Главы из романа.	
Предисловие и перевод с датского Ю. Белавиной	89
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Пантеон женских сердец	108
Найо МАРШ. Рождение сыщика. Эссе. Перевод с английского З. Красневской	120
Вне времени	
Адам МАЛЬДИС. У истоков белорусского народоведения	128
Федот КУДРИНСКИЙ. Белоруссы. Общий очерк	129
Документы. Записки. Воспоминания	
К 30-летию аварии на ЧАЭС	
Раиса ДЕЙКУН. Земляк	143
Collegium musicum	
Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Алеаторика лет	152
Литературное обозрение	
Искусство суждения	
Анатолий АНДРЕЕВ. Вы все еще хотите стать писателем? Эссе	167
Георгий КИСЕЛЕВ. «Есть странные люди – поэты...»	174
С точки зрения рецензента	
Инесса МОРОЗОВА. Свет поэзии Таисы Бондарь	202
Эмануил ИОФФЕ. Знаменитые американцы с белорусскими корнями	205
Михаил СТРЕЛЕЦ. Оригинальное исследование на стыке белорусистики, гебраистики и американистики	213

Найо МАРШ

Рождение сыщика

Эссе

Эссе Найо Марш под названием «Рождение сыщика» ('Birth of a Sleuth') было опубликовано в 1977 году, а двумя годами позже, в 1979 году, появилось и второе эссе под названием «Портрет Трой» ('Portrait of Troy'), посвященное уже жене главного героя романов Марш. Кстати, сама писательница настаивает на том, что фамилию героя следует правильно читать как «Аллен», а не «Аллейн», вопреки тому, что сегодня фигурирует в большинстве русскоязычных переводов ее романов. Именно этой авторской версии мы и придерживаемся ниже.

От переводчика

Родерик Аллен появился на свет сразу же в ранге старшего инспектора Скотленд-Ярда, и случилось сие нетривиальное событие в один дождливый субботний вечер 1931 года, в квартире цокольного этажа в здании, расположенном на Слоун-сквер в Лондоне. Дождь лил весь день. Окна заливало потоками воды. Нескончаемые ручьи хлюпали под ногами прохожих, сновавших по тротуару как раз на уровне моих глаз, разбрызгивая вокруг себя фонтаны из дождевых струй. Машины неслись по проезжей части, тоже вздымая столпы воды. Вода рекой катилась по улице, устремляясь к ступенькам, ведущим вниз, прямо к моей квартире, грозя вот-вот безжалостно затопить ее целиком. Да, именно так! «Безжалостно» — пожалуй, самое точное слово для описания того, что творилось вокруг. И оно, это слово, звучало угрожающе, особенно с учетом грозящего потопа, который неминуемо должен был случиться. Итак, обстановка была самая подходящая для того, чтобы пережить момент самого настоящего страха. Как говорят в таких случаях, все было слишком хорошо для того, чтобы быть правдой.

Я коротала время за чтением детективного романа, который позаимствовала в крохотной библиотеке, похожей скорее на полутемный чулан, функционировавшей при магазине канцелярских товаров через дорогу напротив. Не помню точно, что это был за роман и кто его написал. Возможно, Агата Кристи или Дороти Сейерс. Скорее всего, кто-то из них. В пятом часу, когда уже стало смеркаться, я закончила чтение. Дождь шел не переставая. Я спохватилась, что уже растопила камин и положила в него уголь (самое распространенное топливо в Лондоне тех дней), и побежала посмотреть, как там дела. Подшевелила огонь и лениво подумала о том, а не взяться ли мне самой за перо. Рискнуть и попробовать написать что-нибудь этакое в детективном жанре. Тем более что в последнее время в Англии необычайную популярность приобрела игра под названием «Найти

убийцу», которой с удовольствием предавались и стар и млад на всех вечеринках, устраиваемых по выходным.

Суть игры заключалась в следующем. Один из игроков получал карточку (или сам вытаскивал ее), на которой было написано «Убийца». После чего игрок должен был выбрать себе «Жертву», а затем начинался «Суд» над преступником, ему предшествовало расследование, которое вели остальные игроки. А что, если попытаться сделать из этой игры настоящий детективный роман, подумала я. С настоящим преступником и с самым настоящим трупом. К счастью для себя, я совсем не подозревала, что аналогичная мысль (о чем я узнала много позже) пришла в голову и одному французу, ксати, практикующему врачу. Какое-то время я сосредоточенно обмозговывала саму идею, пробуя ее на вкус и разглядывая с самых разных сторон.

Шевелила кочергой уголь в камине и, тупо уставившись на огонь, пыталась представить себе, что за персонаж может выкристаллизоваться из мрачных глубин чадающего пламени. И не просто персонаж, а тот, кто с легкостью станет распутывать любые преступления в моих будущих книгах.

В комнате уже совсем стемнело, когда я, сдернув с вешалки плащ, взяла зонтик и поспешила на улицу. Поднялась по ступенькам наверх и в неярком свете залитых дождем уличных фонарей потащила прямиком по лужам в магазин канцтоваров. В торговом зале пахло сыростью, свежей типографской краской, дешевыми иллюстрированными журналами и промокшими под дождем людьми. Я купила шесть общих тетрадей, карандаш, точилку для карандашей и поспешила обратно домой, не обращая внимания на полноводные ручьи под ногами.

Меня вдруг охватило чувство странной приподнятости, нечто отдаленно смахивающее на эйфорию, которая случается после пережитого наслаждения. И мысли мои снова завертелись вокруг будущего персонажа, который медленно, но неуклонно стал приобретать вполне осязаемые очертания и формы.

Как правило, в детективных романах тех лет расследованием убийств занимался человек, обязательно наделенный какими-то эксцентричными особенностями характера или внешности. То есть герой должен был в обязательном порядке обладать неким узнаваемым набором личных качеств. Разумеется, традиция эта уходит своими корнями еще во времена Шерлока Холмса. Но и несравненный месье Пуаро, придуманный Агатой Кристи, со своими великолепными усами, педантичной страстью к порядку во всем и вся, а также постоянными разговорами о «серых клеточках», ничуть не уступает в эксцентричности Шерлоку Холмсу. Любимый персонаж Дороти Сейерс лорд Питер Уимзи, как известно, славится своим остроумием, впрочем, порой, как мне кажется, его шуточки даже переходят грань дозволенного. Еще один персонаж, обаятельный чудак, врач по профессии, Регги Форчен то и дело, к месту и не к месту, повторяет любимое словечко «старина»: «Ну что, старина? Как дела, старина? Ах, не спрашивай, старина!» Наверняка этой своей привычкой он обязан автору, придумавшему его. Это Генри Кристофер Бейли.

По другую сторону океана тоже имеется не менее колоритный персонаж по имени Фило Ванс. Его придумал Стивен Ван Дайн, и его герой говорит на каком-то заумном языке, абсолютно непонятном всем остальным людям. Якобы на таком языке разговаривают выпускники престижнейшего «Баллиоля», одного из трех самых первых колледжей, положивших основание Оксфорду.

Короче говоря, количество прославленных сыщиков, известных в том числе и эксцентричностью своих манер, и оригинальностью поведения, просто зашкаливает. И вот короткая за размышлениями бесконечно долгий

дождливый вечер, я пришла к выводу, что мой единственный шанс чем-то отличаться — это придумать совершенно нормального героя. То есть этот человек должен быть вполне узнаваемым и даже в чем-то похожим на кого-то из моих многочисленных друзей, которыми я уже успела обзавестись в Англии. А потому — никакого маньеризма, никаких эксцентричных выходов и прочих штук, которые будут болтаться у него на шее подобно опознавательным знакам или торговым биркам. (Впрочем, оглядываясь в прошлое, честно признаюсь, в своих самых первых романах мне не вполне удалось претворить это благое намерение в жизнь.)

Тогда же я решила, что мой детектив обязательно должен быть профессиональным полицейским, но при этом не совсем типичным полицейским. Он хорош собой, обходителен, образован, умен. С таким человеком приятно поговорить, но, право же, лучше ему не попадаться.

Словом, мой герой стал обрастать плотью и кровью. И оказалось, что я уже знаю про него целую кучу самых разных вещей. Порой я вообще думаю, что даже если бы я не стала писать детективные романы, а занялась более серьезным сочинительством, то все равно, рано или поздно, этот персонаж появился бы на страницах моих книг, пусть и в другом обрамлении, в ином обличье и при других обстоятельствах.

Высокий, худощавый, умеющий одеваться с той небрежной элегантностью, которая всегда привлекательна, в меру остроумный. Глядя на такого мужчину, трудно догадаться, кто он по профессии. И конечно, у него есть сердце и он умеет сострадать. Свое тонкое чувство юмора, которое базируется главным образом на ироничной недооценке или преуменьшении каких-то человеческих качеств, Аллен умеет продемонстрировать ненавязчиво, но к месту, и так, чтобы не задеть ничьего самолюбия. И при том всем с первого же взгляда ясно, что перед тобой человек, наделенный властью, причем немалой. Что касается его происхождения и некоторых биографических данных, то они изредка всплывают в моих романах сами собой. Младший сын аристократического семейства, родом из Бекингемшира, учился в Итоне. У него есть старший брат (и наследник титула), который подвизается на дипломатическом поприще. Сам герой характеризует своего брата как человека весьма недалекого, если не сказать глуповатого. Его матушка, которую он любит и искренне уважает, что говорится, дама с характером.

Помню, как мне было приятно, когда после появления моего героя в самых первых романах я прочитала, как кто-то из критиков назвал его так: «этот славный малый Аллен». Наверное, не в последнюю очередь потому, что я и сама думаю о нем точно так же. Действительно, славный малый, который совсем не так прост, как может показаться на первый взгляд. Он умеет быть твердым, непреклонным и даже жестким. Вполне возможно, в его характере есть и еще какие-то неизвестные мне грани, которые (я надеюсь!) рано или поздно проявятся в каком-нибудь одном из последующих моих романов. Помнится, в самом начале его полицейской карьеры многие репортеры из желтой прессы величали Аллена не иначе как «этот красавец инспектор», что ужасно его нервировало и даже приводило в смущение.

В тот самый день, когда я его придумала, у меня возникла еще одна идея: подробно описать где-нибудь по ходу повествования причины, по которым Аллен оставил дипломатическую службу и перешел работать в полицию. Но к сожалению, этот замысел так и остался нереализованным.

Его возраст? Вот здесь я вынуждена сделать вид, что не расслышала вопроса, и попросту решила отмолчаться. Скажу так: возраст Аллена полностью укладывается в знаменитую теорию Эйнштейна об относительности. Кстати, в этом он совсем не одинок! Не помню, кто сказал мне,

что если рассчитывать возраст Эркюля Пуаро по обычным человеческим меркам, то он должен был бы умереть в возрасте 122 лет. Все дело в том, что вымышленные герои живут в своем особом временном пространстве, не имеющем ничего общего с законами реального времени. Тот же инспектор полиции, мистер Баккет из романа Диккенса «Холодный дом», может позволить себе многолетнее расследование и при этом все время оставаться молодым. А потому скажу честно! В тот вечер, когда я придумала своего детектива, я даже не подумала о том, сколько ему лет. И сейчас его возраст меня по-прежнему ни капельки не интересует.

Аллен возник в моем сознании совершенно неожиданно и спонтанно. Можно сказать, он материализовался из ничего. Писателям часто задают один и тот же вопрос. Кто является прототипом того или иного героя, скрываются ли за вымышленными персонажами книг те, кого мы все называем «реальными людьми»? Некоторые из созданных мною образов действительно имеют своих прототипов, правда, все они претерпели существенную — как бы это выразиться! — мутацию, что ли, то есть удалились на значительное расстояние от живых людей во плоти. Но что касается мистера Аллена, то могу сказать одно: у этого героя нет реального прототипа. Его породила на свет фантазия автора, и только! Самое удивительное, что он возник в моем воображении сам собой, как говорится, вошел в мою жизнь безо всякого предупреждения. Возможно, частично поэтому в нем чувствуется некий элемент ирреальности. Хотя лично для меня он вполне реалистичный персонаж. Я бы даже сказала, больше, чем реалистичный. Во всяком случае, я его воспринимаю как живого человека.

Многие, и наверно, небезосновательно, порицают Дороти Сейерс за то, что она, сочиняя свои романы, постепенно влюблялась в главного героя лорда Уимзи (и ведь было за что!). Безусловно, с точки зрения литературного вкуса писательница допустила ошибку, хотя поклонники ее таланта никогда и ни за что не согласятся со мной. Что касается моего сыщика, то я никогда не прикипала к Аллену всем сердцем и душой, но, не скрою, мало-помалу привязалась к нему, как к старому и доброму другу. Рискну даже заявить, что именно в этом качестве он незримо стал моим неизменным компаньоном и товарищем в странствиях по всему миру.

Вместе мы коротали время за разговорами в ночном экспрессе, который мчал нас по острову Северный в Новой Зеландии, вместе бродили среди гейзеров и кипящей лавы в окружении заснеженных новозеландских гор, вместе пересекали Ла-Манш, путешествовали по английским каналам, гуляли по улицам Рима, любуясь его бесчисленными архитектурными памятниками. По долгу службы Аллен оказался на одном из островов вблизи Нормандии (и я вместе с ним!), потом профессиональное расследование привело его за кулисы нескольких театров, и я тоже была рядом. Вместе с психопатом-убийцей он отправился на яхте под парусом из порта Тилбери до мыса Доброй Надежды. Я была рядом с ним, когда он проводил задержание в трех загородных домах, в одной больнице, в церкви, на пароме, следующем через Ла-Манш, и в пабе. Так стоит ли удивляться тому, что наши совместные блуждания по свету существенно расширили кругозор каждого и обогатили нас духовно? Впрочем, в тот далекий дождливый вечер, когда в моем сознании возник феномен Аллена, ни о чем таком я и не помышляла.

Поначалу Аллен был холостяком, но разумеется, он не чурался слабого пола. Не то чтобы он с легкостью прыгал из одной постели в другую, что, впрочем, и немислимо при его загруженности на работе, но и аскетом он тоже явно не был. Как и бабником! А если и был, то мне об этом ничего не известно. В любом случае, несмотря на все свои романы, если таковые

и были, и вопреки всем моим намерениям и задумкам, его сердце долго оставалось свободным.

Пока во время морского путешествия с заходом в столицу Фиджи город Сува он не познакомился с Агатой Трой. Собственно, сама встреча случилась на палубе роскошного лайнера, где Трой, художница по роду своих занятий, запечатлевала маслом на холсте какой-то морской пейзаж. Впрочем, до момента знакомства Аллена и Трой прошло еще немало лет, в течение которых на свет появилось по меньшей мере с полдюжины романов, в которых в качестве главного героя фигурировал мой старший инспектор. И редакторы, и издатели поначалу отнеслись к появлению женского персонажа крайне настороженно. Пришлось написать еще два романа, чтобы переубедить их. В конце концов, художница уступила ухаживаниям моего героя, и всем несогласным пришлось смириться с этим как со свершившимся фактом. И впредь я имела дело уже с женатым инспектором, его женой, известной художницей, а позднее и с его сыном.

Иногда случалось (некая непрогнозируемая цепь событий), причем чаще всего против воли моего героя, что его близкие оказывались втянутыми в то или иное расследование, которым он на тот момент занимался. Но в целом Аллен старался никогда не смешивать свою профессиональную деятельность и семейную жизнь. Как правило, все свои дела он привык обсуждать с ближайшим другом и своим постоянным советчиком, инспектором Фоксом. Инспектор Фокс — спокойный, уравновешенный увалень, ход его мыслей всегда прост и ясен, человек он степенный, неспешный в делах и речах, к тому же привык всегда держаться в тени. Вот так же степенно и незаметно он вошел и в жизнь моего героя. Из их разговоров мне стало понятно, что какое-то время они работали вместе, что позволило мне, как автору, сохранить их дружеские отношения и впредь. Но «в тот вечер, о котором идет речь», как любят выражаться наши дамы, занимающиеся написанием всяких детективных романов, «все это было еще делом далекого будущего».

Огонь в камине наконец разгорелся в полную силу. Причудливые блики скользили по стенам комнаты, отсветы пламени озаряли мою лондонскую квартирку. Я включила свет, открыла тетрадь, заточила карандаш и начала писать. Мой герой терпеливо дожидался того момента, когда в Главе IV на странице 58 (речь идет о самом первом издании романа) он, наконец, выйдет из тени и появится на авансцене разворачивающихся событий. Но вот он вышел, и отныне я уже была не одна. У меня появился постоянный собеседник и друг. Что ж, самое время было заняться придумыванием ему соответствующего имени.

Но с этим оказалось проще всего. Неделий ранее я посетила Далвич Колледж, закрытую частную школу, расположенную всего лишь в восьми милях от Лондона. Она была основана в 1619 году знаменитым британским актером времен королевы Елизаветы I Эдвардом Алленом, блиставшим когда-то в заглавных ролях в пьесах Марло и Шекспира. Человек состоятельный, Аллен щедрой рукой спонсировал созданную им школу. Ей он завещал свою великолепную коллекцию живописи (при школе имеется картинная галерея) и не менее легендарную коллекцию театральных атрибутов из реквизита времен театра Шекспира и Марло. Последняя меня особенно впечатлила, что и неудивительно, зная о моей всепоглощающей страсти к театру. Когда-то в этой школе учился и мой отец. Кстати, бывших выпускников Далвич Колледж принято называть «алленцами», в честь основателя школы.

Итак, старший инспектор Скотленд-Ярда Аллен. Как звучит? Отлично!

Вот с именем пришлось немного повозиться. Все время были какие-то сомнения. Помогла еще одна вылазка. На сей раз я отправилась к друзьям в

Шотландию в район Северного нагорья. Друзья познакомили меня с великим множеством людей, многие из которых являлись носителями весьма звучных и запоминающихся имен. Так, одного из моих новых знакомых звали Родерик (или Рори) Макдональд.

Старший инспектор Скотленд-Ярда Родерик Аллен? Да!!!

Кстати, обращаю ваше внимание! Фамилия моего героя читается именно так: Аллен.

Портрет Трой

Трой появилась на страницах моего шестого романа про Аллена. В те годы я и сама еще активно занималась живописью, много писала маслом, работала на пленэре и вообще воспринимала весь окружающий меня мир, в первую очередь, как потенциальный объект для живописного увековечивания.

Во время морского путешествия из Новой Зеландии в Англию мы ненадолго зашли в столицу Фиджи Суву. Помню, день был пасмурным, хмурым, на море полнейший штиль и очень душно. Словом, один из тех дней, когда особенно отчетливо слышен каждый звук, а все краски окружающих предметов воспринимаются особенно остро и ярко. В этом смысле пристань Сувы и прилегающая к ней набережная, когда лицезришь их с палубы проплывающего мимо судна, особенно впечатляли. Кипы ярко-зеленых тюков с бананами, вперемешку с собственной листвой, какой-то высокий абориген с неопрятными огненно-красными космами на голове, от одного цвета которых возникала резь в глазах. Этот же пронзительно-красный цвет повторялся и в сари, в которое была облачена какая-то индианка. Явственно слышалось, как шлепают десятки босых ног по влажному деревянному настилу, отчетливо доносились голоса всех этих людей, словно их усилили через громкоговоритель. Все эти разрозненные куски впечатлений странным образом складывались в единое целое, и мне вдруг страшно захотелось немедленно схватить кисть и начать запечатлевать на полотне все увиденное.

Но вот пароход поплыл дальше, пристань Сувы растаяла вдаль, а мне на память осталась картина, которую я так и не нарисовала, и даже не попыталась впоследствии сделать это. И все же, набережная Сувы так ярко, так живо запечатлелась в моей памяти, словно все это было только вчера.

Как вы, наверное, уже догадались, когда я приступила к написанию романа «Маэстро, вы — убийца!», то нереализованные замыслы по части живописи снова вспомнились мне, и тогда я вплела в канву повествования художницу, которая, стоя на палубе парохода, любит пристанью Сувы и одновременно делает эскизы, запечатлевая окружающие красоты на мольберте. Не сомневаюсь ни единой секунды: у нее это получилось намного лучше и достовернее, чем если бы за дело взялась я сама. Вот так появилась в моих романах Трой, и вот при таких обстоятельствах состоялось их знакомство с Алленом.

Я всегда старалась выстраивать сюжеты своих книг, особенно по части декораций, если так можно выразиться, максимально достоверно и с опорой на собственный опыт. Вот и в данном конкретном случае я рассудила так: коль скоро я обнаружила Трой на палубе судна, всецело поглощенной своей живописью, то, скорее всего, Аллен тоже обязательно должен будет натолкнуться на нее. И таким образом, их знакомство становится неминуемым. Дальнейшие события в романе разворачиваются уже в богемной среде, в обществе художников и артистов.

Роман писался в те годы, когда высшая мера наказания — смертная казнь еще не была отменена в британском правосудии. Но в обществе развернулась оживленная дискуссия по этому вопросу. Я всегда выступала как самый ярый противник смертной казни, и Трой была полностью солидарна со мной. Кстати, однажды мне довелось побеседовать с одним реальным инспектором полиции, и из разговора с ним я, к своему немалому удивлению, узнала, что среди работников правоохранительных органов довольно много тех, кто придерживается моей точки зрения и тоже выступает за отмену смертной казни. И таких людей гораздо больше, чем принято думать. Не сомневаюсь, Аллен — один из них. Само собой, он прекрасно понимал, что на тот момент тень возможного смертного приговора, витающая над главным злодеем романа, существенно осложнит его отношения с Трой. Так оно и случилось. Их совместное будущее определилось лишь в конце моего следующего романа «Смерть в белом галстуке». Отныне судьбы моих героев оказались связанными воедино, а в романе «Смерть и танцующий лакей» Аллен и Трой поженились.

Помнится, мой литературный агент в Лондоне весьма скептически отнесся к таким судьбоносным переменам в жизни Аллена. Тогда была распространенной точка зрения, согласно которой любовные увлечения героя, занимающегося расследованием преступлений, лишь утяжеляют сюжет. А поэтому надо всячески избегать подобного развития сюжета или действовать крайне осмотрительно и при первых же проявлениях чувств со стороны персонажа максимально быстро пресекать подобные эмоции еще в зародыше.

Именно так поступил Конан Дойл. Единственная женщина, возникшая в жизни его главного героя Шерлока Холмса, — это Ирен Адлер, которую сам Холмс величает не иначе как «эта женщина». Она появляется единственный раз в «Скандале в Богемии» и произносит одну-единственную фразу, проходя мимо Холмса: «Спокойной ночи, мистер Холмс». Едва зарождающиеся романтические отношения между героями были быстро свернуты, а сама идея привнести любовные чувства в жизнь знаменитого сыщика была отброшена в сторону как непродуктивная. Холмс был настолько поглощен своей работой, что, по словам Дойла, все эмоции и чувства (включая и сексуальное влечение) «были чужды его холодному и рациональному уму, привыкшему все взвешивать и сопоставлять. Более того, эти чувства вызывали в нем даже отвращение».

Вот и все, что можно сказать про бедняжку мисс Адлер.

Пожалуй, единственным исключением из общего правила стал роман Бенгли «Последнее дело Трента», где одна из подозреваемых по ходу сюжета вызывает у сыщика чувства гораздо более теплые, чем просто симпатия. Что же до Дороти Сейерс, то она обратила все эмоции на саму себя, влюбившись в собственное создание. В результате — и сама оказалась в дурацком положении, и своего героя превратила почти в посмешище.

В те времена, когда появилась на свет моя Трой, приличных девушек из общества принято было называть Далси, Эдит, Мона, Сесиллия, даже Маделина. На худой конец, Глэдис. Мне же хотелось, чтобы у моей героини было простое, самое обычное женское имя. А почему бы не назвать ее Агатой, подумала я, совсем не имея в виду Агату Кристи. Во-первых, имя Агата как нельзя более удачно сочетается с ее довольно странной фамилией: Трой. Итак, Агата Трой! Все свои картины она подписывала только фамилией «Трой». Друзья и знакомые тоже звали ее, главным образом, по фамилии: Трой.

Кстати, роман «Смерть в белом галстуке» можно было бы с полным основанием назвать «Осада Трой». Получился бы неплохой каламбур.

Что же до живописных талантов Трой, то ее полотна далеки от академической манеры исполнения, но их нельзя целиком отнести и к абстрактной живописи. Пожалуй, первое, что бросается в глаза, когда смотришь на ее картины, — это некое неуловимое ощущение того, что все на полотне находится в движении. Словом, полное отсутствие статики, что достигается умелым сочетанием формы и линии.

Больше всего Трой сожалела о том, что так и не нарисовала портрет знаменитой оперной дивы Изабеллы Сомита, который был ей заказан по сюжету романа, над которым я сейчас работаю. (*Речь идет о романе «Фотофиниш», который был опубликован в 1982 году. — Прим. переводчика.*) Прославленная дива должна была быть запечатлена во время исполнения одной из своих арий. Рот открыт, и из горла льются восхитительные звуки лучшего в мире колоратурного сопрано с его несравненными верхними «до». Большой вопрос, понравилось ли бы самой диве быть запечатленной в таком виде, останься она жива! А ведь уже и название было придумано для будущего портрета. Предполагалось назвать его «Верхняя нота».

Трой и Аллен прекрасно дополняют друг друга. Никто из них не лезет в дела другого, если его (или ее) об этом не попросят. Что касается Трой, то она довольно часто просит Аллена помочь ей советом. Случается, они спорят, Трой возражает против рекомендаций мужа, выдвигает свои аргументы, но почти всегда дело кончается тем, что совет принимается к исполнению. Когда они вынуждены разлучиться на какое-то время, то Трой всегда очень скучает по мужу. А в силу профессиональных занятий моих героев разлучаться приходится довольно часто. Оба тоскуют в разлуке и, подобно любовникам былых времен, начинают строчить друг другу странные письма.

Разумнее всего, прежде всего, с точки зрения достоверности повествования, не вмешивать Трой в те расследования, которыми занимается ее муж, или делать это крайне редко и осторожно. Аллен и сам в таких случаях испытывает смешанные чувства. Но Трой понимает мужа с полуслова. Человек она по натуре молчаливый, и даже немного скрытный, но чувствительность у нее, как у морского ежа. Она моментально улавливает настроение Аллена и его желание побыть одному или чтобы его просто не трогали какое-то время.

«Ну, и что ж такого! — успокаивает она себя в таких случаях. — Я ведь вышла за него замуж. Я — его жена. Но нельзя же превращаться в докучливую и даже занудливую жену, которая ловит буквально каждое слово своего дражайшего супруга, пытаясь всячески ему угодить».

Не скрою, мне нравится Трой. Когда я пишу о ней, то явственно вижу ее перед собой. Темноволосая, короткая стрижка, сухощавое лицо, тонкие руки. Она немного рассеянна, слегка застенчива. Порой производит впечатление довольно странной особы, как бы не от мира сего. А еще мне импонирует, что в своем творчестве она действует без оглядки на какие бы то ни было авторитеты, что в искусстве дорогого стоит. Я всегда рада, когда слышу, что моим читателям тоже нравится Трой.

Перевод с английского Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.

